

За тысячи лет существования Бай Цзэ, этого божественного зверя, никто и никогда не смел разговаривать с ним в подобном тоне. Тот, кто решился на это в прошлый раз, давно был отправлен в Ад Десяти Холодов, где теперь бесконечно терпит муки нестерпимого мороза.

Однако, когда объектом стал Тао Шаньцзэ, Чи Мэй поймал себя на мысли, что ему это даже приятно — возможно, из-за статуса того в качестве его супруга. Он даже почувствовал некое мазохистское желание, чтобы Тао Шаньцзэ обругал его еще сильнее.

Чи Мэй решил, что это болезнь, и, вернувшись в современность, ему определенно стоит найти реинкарнацию Бянь Цяо, чтобы тот его подлечил.

К юго-западу от столицы располагался печально известный район бедноты. Снаружи он был огорожен деревянным частоколом, а внутри теснились в беспорядке убогие хижины. Слухи о том, что в столице все живут в роскоши, здесь разбивались вдребезги: куда ни глянь, повсюду были люди в лохмотьях, а кора на всех окрестных деревьях была начисто содрана.

При виде двух мужчин в ярких, дорогих одеждах обитатели трущоб оживились, словно хищные звери, почуявшие добычу. Их глаза жадно блестели.

— Неужели в столице есть такое место? — с горечью воскликнул Тао Шаньцзэ. В этот момент к нему подошел маленький ребенок в рваной одежде, протягивая руку в мольбе о еде.

У Тао Шаньцзэ с собой была лишь горсть мелкого серебра. Он присел на корточки и уже хотел было достать монеты, как Чи Мэй удержал его за руку.

— Не давай, — коротко бросил он.

— Ты даже это контролируешь? — возмутился Тао Шаньцзэ.

Чи Мэй прижал его ладонь к себе и прошептал прямо на ухо:

— Если ты дашь одному, что делать остальным? Нас здесь всего двое. Ты хочешь, чтобы нас здесь до нитки обобрали, прежде чем мы сможем уйти? Тао Шаньцзэ присел на корточки и поднял голову, глядя на него снизу вверх. Контровой свет размывал черты лица мужчины, его силуэт растворялся в сиянии, оставляя лишь зыбкий контур. Но в этот миг Тао Шаньцзэ отчетливо видел, что в глазах Чи Мэя отражается только он один.

В игре света, когда солнечные лучи пронизывали небосвод, на фоне глубокой, безмолвной зелени горных хребтов, нимб света за спиной Чи Мэя делал его похожим на существо, не принадлежащее этому миру.

Тао Шаньцзэ вдруг осознал, что никогда по-настоящему не вглядывался в Чи Мэя. Он сглотнул подступивший к горлу комок.

Ему показалось, что на одно мгновение этот взгляд совпал с тем, что он видел в иллюзии: казалось, он тоже пришел из самой тьмы, принес с собой тепло возвращения.

Чи Мэй протянул руку, взял ладонь Тао Шаньцзэ в свою, а затем, укрыв его за спиной, обратился к ребенку:

— У меня есть к тебе вопрос. Если ответишь верно, я дам тебе лян серебра, но ты не должен никому об этом рассказывать.

Ребенок, разумеется, ответил сразу и без колебаний, при этом во все глаза глядя на Тао Шаньцзэ, выглядывающего из-за спины Чи Мэя. В отличие от внешне холодного и неприступного Чи Мэя, Тао Шаньцзэ вызывал у детей куда больше симпатии.

— Есть ли у вас здесь какие-нибудь знаменитые люди? Хорошие или плохие — неважно, лишь бы все их знали, — Чи Мэй произносил слова четко, по слогам, словно опасаясь, что ребенок не поймет, и повторял вопрос несколько раз. Вопрос Чи Мэя стал для Тао Шаньцзэ полной неожиданностью. По логике вещей, человек, ставший наследным принцем после перерождения, в этой жизни должен быть великим праведником, но слова Чи Мэя звучали так, словно он молчаливо одобряет действия разбойников и злодеев.

Мальчишка вращал своими черными как смоль глазами и тер их грязными кулачками.

— Остального не знаю, но знаю, что здесь часто раздают кашу. Скоро придут, сами увидите.

Затем он окинул взглядом их одежду и сердито добавил:

— Только не вздумайте отнимать у нас, мы сами недоедаем.

Чи Мэй хотел было потрепать ребенка по волосам, но тот с явной неприязнью увернулся. Зато когда подошел Тао Шаньцзэ, мальчишка встретил его с жалкой улыбкой, похожий на волчонка, потерся щекой о его ладонь и принялся называть старшим братом.

Чи Мэй не ожидал, что однажды будет ревновать, видя, как какой-то ребенок прижимается к Тао Шаньцзэ. Когда мальчик, довольный полученной серебряной монетой, убежал, Чи Мэй присел на корточки и с таким же жалобным видом посмотрел на Тао Шаньцзэ.

— Ты чего? — опешил Тао Шаньцзэ, глядя на него с замиранием сердца.

Они поменялись местами, и хотя теперь Чи Мэй смотрел на него снизу вверх, в этом не было чувства превосходства или высокомерия. А чувствовал родство, словно рыба, заглядывающая снизу на листья кувшинки, любующаяся цветком лотоса, а тот лишь безмятежно цветет, не чувствуя ничего странного. Ведь давным-давно уже были установлены все правила, законы, которым обязаны следовать все создания природы.

— Тоже погладь... — протянул Чи Мэй и по привычке ухватил Тао Шаньцзэ за край одежды.

Рассвело окончательно, никакой пелены хаоса не осталось, все вокруг стало четким и ясным. Тао Шаньцзэ протянул руку и на мгновение замер над волосами Чи Мэя.

Ему вдруг подумалось: если бы Будда читал проповедь, разве не жаждали бы преданные последователи внизу именно этого?

Лишь истовые верующие плакали бы от благодарности за такое благословение.

Если бы они не были супругами, если бы Тао Шаньцзэ занимал высокое положение и увидел чей-то столь жаждущий взгляд, стал ли бы он медленно спускаться с высоты, пока не бросился навстречу?

Чи Мэй, которого только что погладили по шерстке, разве что не мурлыкал, словно котенок. Он поднялся, прижался к боку Тао Шаньцзэ и, заметив на его лице все еще растерянное выражение, спросил:

— О чем задумался?

Тао Шаньцзэ выглядел так, будто внезапно очнулся от сна. Он легко кашлянул:

— Ни о чем, пойдем зайдем внутрь и посмотрим.

После этого они самым естественным образом переплели пальцы.

— Подожди, — вдруг произнес Чи Мэй.

Он присел на корточки и принялся измазывать грязью их одежды, пока они не перестали выглядеть чужеродно, и только тогда остановился. Повсюду, куда ни глянь, на земле лежали люди, испускавшие последние вздохи. Под палящим солнцем для них не нашлось даже циновок, и, когда мимо проходили путники, у несчастных не оставалось сил даже на стон.

Вдали виднелся импровизированный навес из деревянных балок, окружённый плотной толпой: все они дожидались раздачи каши. Чи Мэй и Тао Шаньцзэ, переступив через лежащих, всмотрелись в происходящее и действительно увидели среди людей статного молодого человека, чьи манеры выдавали в нём благородное происхождение.

Его лицо напоминало тонкую резьбу по нефриту. Несмотря на то что сюда он прибыл в простой одежде из грубой ткани, это не скрывало его природной утончённости, а в каждом его жесте ощущалась мягкость весеннего ветра.

Похоже, это и был тот самый великий благодетель, о котором рассказывал ребёнок.

— Ты ведь демон, верно? Оглянись, нет ли здесь какой-нибудь вселившейся нечисти? — прошептал Тао Шаньцзэ.

Чи Мэй покачал головой. Прошлой ночью он потратил слишком много магической силы, а в этом мире его способности и без того были ограничены. Сейчас он не мог распознать ровным счётом ничего.

— Не толпитесь, встаньте в очередь, каши хватит на всех, — крикнул слуга, сопровождавший молодого господина.

Чи Мэй придержал человека с миской, проходившего мимо, и спросил:

— Кто это такой?

— Неужто не знаешь? Это же Молодой господин Ли из Таоцзуйлоу.

Каша была густой и наваристой, в ней не чувствовалось ни капли обмана. И всё же, если это действительно был хозяин Таоцзуйлоу, которому сейчас едва ли исполнилось двадцать пять, то было бы крайне досадно, если бы такой человек погиб и отправился на перерождение.

Судя по судьбе, в этой жизни ему было предназначено богатство, и не было никакой нужды лезть в дела наследного принца.

Он посмотрел на Тао Шаньцзэ и, увидев, что тот тоже смотрит на него, понял, что они подумали об одном и том же. Это зрелище больше походило не на перерождение, а на печальную сцену разлуки близких людей.

— Впрочем, такова его судьба, — произнёс Тао Шаньцзэ.

Чи Мэй испытывал глубокую неприязнь к слову судьба. В аду он насмотрелся на кровавые сцены, но здесь, среди живых людей, всё происходящее казалось ему ещё более жестоким.

— Разойдитесь! Дайте мне поесть первым!

Раздался невнятный, хриплый голос. Чи Мэй обернулся и увидел мужчину в лохмотьях. На нём не было даже обуви: он ступал босыми ногами прямо по земле, прихрамывая, а из-под его ногтей торчала грязь. Лицо было измазано в земле, спутанные волосы свалились, в них застряли обрывки травы — невозможно было даже разобрать черты лица.

Следом за ним пришла волна невыносимой вони.

— Может, этот Слепец Чжан уже сдохнет? От него воротит, — раздались голоса.

— И как только у него хватает совести приходить за кашей? Ему мало того, что его в прошлый раз отходили палками?

— А нюх у него похлеще, чем у пса.

...

— Слепец Чжан? — уточнил Чи Мэй у соседа.

— Он самый. Если бы не то, что когда-то он был человеком, его могила давно бы травой поросла.

Благодаря омерзительному зловонию, исходившему от него, люди, хоть и были измождены нищетой, всё же боялись подойти к нему ближе. Они машинально расступились, освобождая проход. Слепец Чжан, опираясь на клюку, словно обладая зрением, подошёл к котлу, получил свою миску каши и, не проронив ни слова благодарности, сплюнул на землю и удалился.

Из обрывков разговоров Чи Мэй восстановил печальную историю Слепца Чжана.

Если в жизни случаются неурядицы — это нормально, если за добрые дела полагается награда — это закон мира, то Слепец Чжан был полным отрицанием этих правил, вечной темой для пересудов после обеда.

Он был как проклятие, которое, к счастью, касалось только его самого.

Другим достаточно было просто подавиться водой, чтобы столкнуться с бедой, но стоило Слепцу Чжану сделать доброе дело, как его тут же настигала расплата. Казалось, небеса забыли о нём, с самого рождения записав в злодеи.

Он был подкидышем, выжил непонятно как и умудрялся находить радость в самом существовании, несмотря на свою странную, изломанную жизнь.

Он стал калекой, когда попытался спасти деревенскую женщину от насилия бандитов. Спасти не вышло, его самого несправедливо обвинили в преступлении, и по приказу властей он был искалечен. Вернувшись домой, он обнаружил, что всё нажитое разграблено, и остался ни с чем.

Даже тогда он, по глупости, продолжал жевать древесную кору, пытаясь выжить.

Однажды, когда он грыз кору, дерево внезапно рухнуло, придавив его так, что он начал харкать кровью. Он долго лежал на земле, пока его не нашли, но к тому времени он уже лишился рассудка и покрылся грязью.

Ирония в том, что нашедший его человек оказался работоторговцем. Увидев, что юноша неплох собой, он продал его в Мэйжэньфан. Несколько дней, не чувствуя боли из-за своего помешательства, он был там популярен и даже некоторое время считался всеобщим любимцем.

Но стоило ему помочь нескольким таким же, как он, невольникам сбежать, как его избили до полусмерти.

Чудеса на этом не закончились: когда в Мэйжэньфане случился пожар, он, забыв все обиды, бросился спасать тех самых людей, которые его избивали, получив при этом страшные ожоги.

Когда он стал окончательно непригоден для работы, его выбросили здесь.

Оказавшись в этом гиблом месте, он как-то раз увидел тонущего ребёнка и, не раздумывая, прыгнул в воду. Ребёнка спасли, а сам Чжан ослеп.

Но родители спасённого мальчика заявили, что это он сам толкнул ребёнка в воду, и потребовали компенсации. Денег у него, разумеется, не было, поэтому его жестоко избили, отчего его раны и болезни стали лишь тяжелее.

Теперь он полубезумен, влачит жалкое существование, кормясь подачками благодетелей. Иногда деревенские старики, жалея его, подкидывали ему кусочки паровых хлебцев, но он, не ведая, что творит, отдавал еду рыбам в пруду.

Когда старики узнали об этом, они разгневались и окончательно отвернулись от него. — Но все эти истории — лишь домыслы, собранные по кусочкам. Полагаю, он точно не совершал ничего доброго. Все эти рассказы о клевете, о том, как его избивали дети или их родители, — ложь. Кто знает, какие грязные дела он на самом деле творил? Если бы он и вправду делал добро, разве мог бы остаться без благословения судьбы? — Человек, сидевший напротив Чи Мэя, погладил бороду и изрек это с видом глубокомысленного знатока.

Слепец Чжан наконец ушел, и только тогда остальные гурьбой бросились к Молодому господину Ли, чтобы получить свою порцию каши.

Мир словно раскололся на два полюса: с одной стороны Молодой господин Ли, пребывающий в небесной чистоте, творящий лишь добро, с другой — Слепец Чжан, которого поносят все вокруг, чья жизнь стала предметом пересудов и чье тело оказалось искалечено.

— Как думаешь, кто из них кто? — Чи Мэй посмотрел на Тао Шаньцзэ.

Однако взгляд Тао Шаньцзэ был прикован к Молодому господину Ли.

— Тебе не кажется, что он немного похож на кого-то знакомого?

— Нет. Все красавцы в этом мире чем-то неуловимо похожи друг на друга, это обычное дело, — Чи Мэй проследил за его взглядом, но не нашел ничего примечательного.

Тао Шаньцзэ потер глаза.

— Ничего, пожалуй, ты прав. Наверное, мне показалось.

Его глаза снова начало жечь и покалывать, но это случалось лишь изредка и не мешало ему жить.

— Пойдем посмотрим на Слепца Чжана. Если верить тому, что о нем говорят — что он творит добро, но не получает воздаяния, — значит, тут кроется какая-то тайна. — Тао Шаньцзэ набрал в грудь воздуха и, потянув Чи Мэя за собой, направился в ту сторону.

У них за спинами Молодой господин Ли поднял голову и впился пронзительным, словно факел, взглядом в удаляющуюся фигуру Чи Мэя.

К счастью, хромой Слепец Чжан передвигался медленно, поэтому им удалось быстро нагнать его. Они пошли следом, стараясь не шуметь. Как ни крути, он выглядел жалким нищим.

— Они говорят, его продали в Мэйжэньфан. Это тот самый Мэйжэньфан, где были мы? — Тао Шаньцзэ внимательно разглядывал его фигуру. Он думал: если человек и вправду пережил такие ужасы, как о нем рассказывают, но при этом все равно продолжает спасать других, то у него совсем нет собственного Я.

— Согласно закону кармы, лишь тот, кто в прошлой жизни совершил великое зло, будет сталкиваться с неудачами и страданиями в этой и не получит доброго воздаяния, ибо он искупает свою вину, — задумчиво произнес Чи Мэй. — Если одной жизни недостаточно, чтобы искупить грехи, возможно, придется ждать следующей. А если зло было великим, то искупление длится из жизни в жизнь.

Чи Мэй горько усмехнулся. В его памяти когда-то был провал: он просто проснулся однажды с Печатью Закона Красного Лотоса на теле. В обычное время ее не было видно, но в полнолуние она начинала жечь и болеть так, что жизнь становилась не мила. Чтобы найти исчезнувшие страницы Станных историй из кабинета неудачника, он прошел через множество разных миров. В эпоху Шан люди еще использовали бамбуковые дощечки, позже изобрели бумагу из бамбуковой целлюлозы и хлопка — с ней было удобнее, но он так и не смог собрать их все.

Божественный зверь Бай Цзэ в древности считался символом процветания, но он, видимо, совершил нечто столь постыдное, что полностью опозорил предков. Ему было навсегда закрыто право ступить на Девять Небес Хаоса, и он был обречен вечно скитаться в аду, ожидая появления того самого человека.

Тогда-то он и понял: Печать Закона Красного Лотоса на его теле — вовсе не буддийская

печать, а оковы, путы, что вышли за пределы перерождений и земных законов, сделав его существом, обремененным тяжелой кармой.

Жилище Слепца Чжана оказалось полуразрушенным храмом. Это стало неожиданностью для Тао Шаньцзэ: он полагал, что такой безумный человек выберет себе уютное тенистое местечко или хотя бы обзаведется собственной хижинкой.

Перед входом в храм буйно разрослись сорняки, но Слепец Чжан, хотя и был лишен зрения, точно обходил острые колючки. Его босые ноги не получили ни единой царапины, и он уверенно вошел внутрь.

Дверь не была заперта, оставаясь приоткрытой лишь на крохотную щель.

Эта щель превратилась в зияющую черноту. Несмотря на яркий день, внутри храма царил полный мрак, отчего при взгляде внутрь становилось не по себе.

Тао Шаньцзэ посмотрел на разрушенную черепицу храма, и у него на миг заболела голова.

Ему показалось, что он уже видел нечто подобное. Только, похоже, это был не он сам: в его видении над черепицей возвышался огромный дом, архитектура которого не принадлежала этим местам, и кто-то держал его за руку, ведя внутрь.

В то же самое время Сун То сидел в комнате, обставленной в старинном стиле, и задумчиво смотрел на чашку с зеленоватым чаем. Струился благовонный дым, повсюду разносился аромат сандала. Снаружи непрерывно лил дождь, не собираясь прекращаться. Среди этой дымки Сун То с улыбкой достал с книжной полки книгу под названием Странные истории из кабинета неудачника. Рассеянно перелистнув несколько страниц, он остановился на главе Ляньшэн.

Он потер пальцами бумагу: подушечки пальцев ощутили мягкую текстуру с едва заметной зернистостью. Это определенно была не бумага эпохи Цин — казалось, она прибыла из какого-то далекого мира, а отпечатки душ, оставленные в ней, тонкими нитями вплетались в страницы. В следующее мгновение он убрал пальцы, страницы начали меняться, структура бумаги перестроилась, наслоилась друг на друга — и внезапно превратилась в высокую пагоду!

Пагода стояла прямо на странице книги, поэтому казалась размером не больше ладони, полупрозрачная, висящая в воздухе — миниатюрная копия некоего исполинского строения. На башне было вырезано множество магических заклинаний, которые тянулись от самой вершины до основания, но теперь они выцвели, сохранилась лишь половина, а внутри было пусто — невозможно было даже понять, для чего она служила когда-то.

Сун То вздохнул. В памяти смутно всплыл образ: ему посчастливилось увидеть в Море Беспредельного юношу, сидевшего на берегу и покачивавшего хвостом; его полупрозрачные глаза смотрели на пустую Пагоду Ляочжай. Но в аду было слишком холодно, он не мог долго

там оставаться, и все, что у него осталось — это вид его спины.

Те, кто попадал в Ад Десяти Холодов, страдали от лютой стужи, и его повелитель — тоже. Даже Кармический Огонь Красного Лотоса не мог согреть это место хоть на йоту. Сун То не знал, когда это началось и есть ли этому конец. Он знал лишь одно: Пагода Ляочжай была разрушена, и тот юноша обречен вечно нести на себе этот груз грехов.

А каждая страница, которую находил Чи Мэй, становилась краеугольным камнем для Пагоды Ляочжай. Пока пагода не будет восстановлена, он никогда не сможет остановиться.

Сун То отпил чаю. Снаружи все так же клубились темные тучи, не пропуская солнечного света, а рыба, высеченная на каменной ширме, жадно ловила падающие капли дождя.

Тао Шаньцзэ усмехнулся:

— Так что же он сделал в прошлой жизни — грабил во время пожара или поджигал дома? Какой грех нужно совершить, чтобы заслужить такую жалкую участь?

— Не знаю. Но у ада есть свои весы справедливости, и за тысячи лет они ни разу не ошиблись. Этот Слепец Чжан наверняка сам виноват в своей судьбе.

Говоря это, Чи Мэй внезапно почувствовал покалывание в ладони — это был сигнал, призывающий к действию.

Хотя они находились в этом мире всего несколько дней, ни один из миров Ляочжая не мог существовать долго. Если вошедший не находил страницу, мир начинал рушиться и искажаться, и душа Тао Шаньцзэ рисковала навсегда остаться в нем запертой.

Тогда, чем бы он ни болел — раком груди или чем-то еще, — болезнь не только не отступила бы, но и начала прогрессировать, ускоряя его гибель.

Чи Мэй внезапно ощутил тоску. Казалось, если он не сможет удержать его в этой жизни, придется ждать еще много перерождений, прежде чем он снова появится перед ним.

Но сейчас Тао Шаньцзэ понятия не имел, кто он такой, и Чи Мэй не мог внезапно заставить его искать страницы — действовать нужно было постепенно, шаг за шагом, сначала сохранив ему жизнь.

Они вошли в храм и действительно увидели Слепца Чжана, сидевшего у стены. Когда Чи Мэй зажег принесенный с собой огниво, он лишился дара речи.

Место, где тот сидел, — разве это не та самая расписная стена, через которую они вошли? При

входе там тоже был безумный монах, и изображение на стене казалось до жути живым. Хотя он не помнил всех деталей, все происходящее было похоже на повторение пройденного.

— Кто ты? — спросил Чи Мэй.

Он попытался тайно использовать свое море духовной энергии, но в храме словно стоял барьер, подавляющий любую магическую силу.

Слепец Чжан молчал. Он сидел, скрестив ноги, и смотрел на них, обнажив в ухмылке гнилые зубы.

Все было в точности как на той стене, которую они видели до входа. Если бы не одежда в древнем стиле на нем и Тао Шаньцзэ, он бы и правда решил, что они все еще в 2020 году.

Тао Шаньцзэ, напротив, не чувствовал страха. Наоборот, он ощущал, что этот старик — именно тот, кого он искал. Там, где есть странности, ищи нечистую силу. Молодой господин Ли вызывал у него слишком липкое, невыразимое чувство, смотреть на него было неприятно.

Куда лучше этот слепец — с первого взгляда видна его истинная сущность.

В храм ворвался порыв ветра, пробирая холодом до костей и забираясь за шиворот. Чи Мэй не стал останавливать Тао Шаньцзэ и лишь смотрел, как тот берет потрескавшийся деревянный таз и выходит наружу. Он вздохнул, снял верхнюю одежду и накинул ему на плечи.

Тао Шаньцзэ принес таз колодезной воды, опустился перед стариком на корточки и тихо спросил:

— Хотите умыться?

На самом деле он мог бы сразу спросить его о прошлом, заодно узнать, не случилось ли с ним чего-то странного — так бы он выяснил, следит ли кто-то за ним, и понял, тот ли это человек, которого он ищет.

Но почему-то ему захотелось, чтобы старик стал чище, чтобы они могли разговаривать на равных.

От Слепца Чжана сильно пахло. Он приподнял веки, за которыми не было видно зрачков, и, повернувшись на звук голоса, ответил вопросом на вопрос:

— Вас двое?

Голос звучал грубо, словно наждачная бумага по дереву.

Хотя запах был резким, в свете тусклой лампадки у подножия буддийского божества это не казалось таким уж невыносимым — он словно идеально слился с этим местом. В центре заброшенного храма стоял большой Будда, краска с которого давно облупилась, обнажая трухлявое дерево. У лotosового пьедестала не осталось красок, он выглядел иссохшим, и они как раз сидели сбоку от него.

Тень от пьедестала плотно накрывала их, отчего тьма вокруг стала еще гуще.

— Сюда никто не приходит меня искать. У меня нет ничего ценного, и я ни на что не гожусь. Дети в деревне говорят, что я ем людей. Вы разве не боитесь?

<http://bllate.org/book/22407/2352266>